HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Мандельштам и Достоевский : О некоторых элементах темы Достоевского в Третьей воронежской тетради
Author(s)	Левинтон, Георгий Ахиллович
Citation	Acta Slavica Iaponica, 44, 113-144
Issue Date	2023
DOI	https://doi.org/10.14943/ASI.44.113
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/93404
Type	departmental bulletin paper
File Information	05_Acta_44_Levinton.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 44, pp. 113–144

Мандельштам и Достоевский: О некоторых элементах темы Достоевского в Третьей воронежской тетради

Георгий Ахиллович Левинтон

I. Предварительные замечания

В нижеследующей статье я буду рассматривать небольшую часть примеров темы Достоевского у позднего Мандельштама. Раздел I («Предварительные замечания») содержит (1) замечания о предыстории моей работы, (2) о более широком контексте и общей гипотезе относительно Достоевской темы. Раздел II «Несколько заметок о более ранних примерах» анализирует некоторые примеры этой темы из более ранних произведений Мандельштама. В разделе III рассматривается постепенное развитие той же темы в I и в основном во II Воронежских тетрадях: (1) биографические аллюзии и (2) тема земли, почвы, чернозема. Раздел IV «Третья тетрадь» переходит к центральной теме статьи и комментирует стихи из III тетради, в которых появляется достоевская тема, обычно скрытая, окружающая центральный диптих «К пустой земле невольно припадая»

Темой «Мандельштам и Достоевский» я начал заниматься в 1974 г. [1], и изложил первые результаты в докладе под этим же названием на первой из конференций, проходивших тогда в недавно открывшемся Музее Достоевского — «Достоевский и мировая культура», точнее, в этом году она называлась «Достоевский в культуре XX века» (Музей Достоевского, Ленинград, ноябрь 1974)[2]. Впоследствии я сделал ряд докладов на эту тему,

1 Обычно я не пишу такого рода предисловий, но в этом случае мне пришлось написать даже небольшую заметку об истории моих занятий этой темой: *Левинтон Г. А.* К пустой земле невольно припадая: Postscriptum к статье Н. Н. Мазур // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 Septembre: Сб. статей в честь В. А. Мильчиной. М.: НЛО, 2015. С. 444–451. Видимо, что-то в темах, связанных с Достоевским, подталкивает к таким отступлениям, например, книга *Вильмонт Н.* Достоевский и Шиллер. М.: Сов. писатель, 1984 начинается так: «Достоевский и Шиллер. Сочетание этих имен занимает меня вот уже четверть века» (С. 3).

2 Ср. «Хронику» А. Латыниной (Вопросы литературы. 1975. № 8. С. 311–312).

некоторые наблюдения я включил в различные статьи и тезисы докладов[3], однако всячески откладывал окончательное оформление итогового текста.

Один из факторов, обусловивших эту прокрастинацию, — следующий: по справедливому замечанию Н. М. Рудник, «[м]етод познания творчества одного художника через его отражение в зеркале другого творца — символистское открытие Серебряного века, получившее широкое распространение в литературе эпохи»[4]. Автор имеет в виду «зеркало» прежде всего Вяч. Иванова, но не менее очевидным примером являются, скажем, «Книги отражений» Инн. Анненского. Поэтому с самого начала мои занятия «Достоевской» темой у Мандельштама были в значительной мере направлены на поиски «посредников», начиная с того же Вячеслава Иванова[5]. Это и стало одной из важнейших причин того, что работа растянулась так надолго, и того, что даже сегодня она далека от завершения. Поэтому же я практически полностью исключил из настоящей статьи всю тему «посредничества», откладывая ее до другого этапа работы.

Я полагаю, что старый «метод подтекстов» (перекрещенный Ю. Кристевой в «интертекстуальный») не потерял своего значения и вероятно никогда его не потеряет, потому что обнаружение новых подтекстов за все годы изучения и комментирования Мандельштама никогда не прекращалось и тем не менее очень далеко от исчерпывающей полноты. Говорить об этом более подробно — значило бы в сотый раз повторять общеизвестное (после работ Тарановского, Ронена и многих других). Однако несколько слов стоит сказать о квазитермине «Достоевская тема»,

---

3 *Левинтон Г. А.* Мандельштам и Тынянов // Четвертые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы к обсуждению. Рига, 1988. С. 21–23; Он же. Некоторые сквозные темы в «Воронежских тетрадях» // Мандельштамовские дни в Воронеже. Материалы. Воронеж, 1994. С. 54–56; Он же. Из комментариев к прозе Мандельштама. 1–7 // Топоровские чтения I–IV (2006–2009): Избранное. М., 2010. С. 236–254.

4 *Нина Сегал (Рудник).* Достоевский и Бодлер: к теории и практике символизма у Вячеслава Иванова // Окно из Европы. К 80-летию Жоржа Нива. М.: Три квадрата, 2017. С. 497.

5 Так в упомянутой (в сн. 1) заметке я обсуждал, кто раньше заметил тему из «Бесов» (Богородица — мать сыра земля) в стихотворении «К пустой земле невольно припадая» и — в этой связи — ее цитирование у Вяч. Иванова. И. З. Сурат нашла тот же пример, кроме Иванова, у С. Булгакова, и я написал, что в свое время (в 1974 г.) я этого не заметил — однако я оказался несправедлив к себе: нашлись мои выписки из «Русской трагедии» Булгакова и по «Русской мысли» (1914, кн. 4), и по «Тихим думам» (М., 1918, repr. Paris: YMCA, 1976. С. 10–12). Только в последнее время, посмотрев еще ряд текстов, я понял, что вопрос должен ставиться совсем иначе: что трудно найти статью или книгу, касающуюся почвенничества и темы *земли*, в которой *не было* бы этого пассажа Достоевского. Последний найденный недавно пример: *Дурылин С.* Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора // Достоевский. (ГАХН Литературная секция. Вып. 3). М.: ГАХН, 1928. С. 183.

я понимаю некоторую аграмматичность этого словосочетания, однако альтернативный вариант — «тема Достоевского» (хотя я иногда употребляю его) означал бы нечто совсем другое и был бы применим скорее к литературоведческому или философскому исследованию или биографическому роману[6]).

Слово *тема* я понимаю в смысле, близком к музыкальному, т. е. как один из тех элементов текста («формальный» или «содержательный» в старинной терминологии), который конституируется прежде всего фактом его повтора. Тему можно определить, как группу подтекстов, объединенных единством источника (могут быть и другие критерии выделения темы как объединения подтекстов, но для данного случая такого определения достаточно). Конкретно «Достоевская тема» состоит из всего множества упоминаний или «подразумеваний» имени Достоевского, его книг или их персонажей, ключевых понятий его «идеологии» (таких как «почва», «земля», «всечеловек» и т. д.), цитат, подтекстов, аллюзий, восходящих к его текстам и более отдаленных ассоциаций, также возводимых к идеям или словам Достоевского, — в данном случае, в текстах Мандельштама (стихах, прозе, статьях, письмах), но в принципе и в текстах других авторов.

Предлагаемая читателю статья, не только не исчерпывает тему, но даже не касается основных «Достоевских» текстов Мандельштама. Естественно было бы начать с прямых упоминаний Достоевского, его героев и романов, однако меня избавляет от этой необходимости появление статьи Е. П. Сошкина о Достоевском в «Мандельштамовской энциклопедии» (МЭ)[7], особенно в расширенном варианте статьи[8], где этот

6 Позволю себе пример из моей заметки, посвященной главе о Мандельштаме в книге: *Комолова Н. П.* Италия в русской культуре Серебряного века. М.: Наука, 2005: «[А]втор всерьез полагает, что можно просто прочесть статью Мандельштама и сказать: “вслед за Чаадаевым Мандельштам считал, что Россия должна воспринять идею Рима” или “Мандельштаму были близки взгляды Достоевского и Вл. Соловьева” — следует ссылка на статью: *Кузмина С. Ф.* Достоевский в восприятии Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990, в этой статье утверждается, что “Мандельштаму были чужды “неохристианские” религиозно-мистические толкования этого писателя [т. е. Достоевского]. Не увлекли поэта аполлоно-дионисийские интерпретации Достоевского Вяч. Ивановым” — как хорошо известно, верно как раз противоположное утверждение». (См. *Левинтон Г. А.* Приложение к статье: *Л.* Г. Степанова. Русский «серебряный век» и итальянское зарубежье в научном освещении // Europa orientalis, XXIV / 2005 [2007]. P. 233–239).

7 Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. / [гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов]. — М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 232–234.

8 Первый вариант этой энциклопедической статьи появился в сборнике: О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники. Сб. мат. к МЭ. М.: РГГУ, 2007. С. 61–71, предшествовавшем МЭ и содержавшем предварительные версии избранных статей. В окончательном тексте МЭ был напечатан тот же вариант статьи (о подготовке этого издания и многочисленных огрехах, прежде всего игнорировании авторской правки, см., например, *Шиндин С. Г.* «Печальну

материал рассмотрен подробно и компетентно. Так что я оставляю его за рамками статьи, кроме нескольких мелких замечаний.

Для понимания дальнейшего я должен вкратце повторить то, о чем уже писал в упомянутой выше статье «К пустой земле невольно припадая»: на тему «Мандельштам и Достоевский» меня натолкнула статья Барбары Стемпчиньской[9], где были собраны примеры сопоставления Достоевского с Рембрандтом и темы светотени[10]. Рембрандт, закончивший свои дни в амстердамском гетто и написавший ряд еврейских портретов, естественно вел к еврейской теме, и ко времени первого моего доклада у меня сложилось представление об одной из функций Достоевской темы: двойственное еврейско-русское самосознание Мандельштама провоцировало появление рядом с еврейской темой темы почвеннической или прямо антисемитской, то есть аллюзий, цитат, подтекстов из таких авторов, как Достоевский, Леонтьев, Розанов[11]. Комический вариант этой закономерности — в строках:

У ворот Ерусалима
Хомякова борода

(Стихи о русской поэзии. Другие редакции, I, 439)[12].

Разумеется, сам Достоевский давал основание развить эту проблему и в сторону русско-европейской проблематики, вообще характерной для Мандельштама.

повесть сотворив…»: к выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А–Д // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 63 и далее). Я благодарю Е. П. Сошкина, предоставившего мне последний, послепечатный вариант своей работы, предназначенный для нового электронного издания МЭ. Именно этот исправленный и дополненный вариант, который я имел удовольствие обсуждать с автором, я считаю окончательным и ссылаюсь на него, он вывешен в ЖЖ Сошкина. https://simon-mag.livejournal.com/214294.html (Эта и последующие ссылки на интернет проверены в декабре 2023).

9 B. Stempczyńska. Dostojewski a malarstwo. Zarys problematyki badań // Slavia orientalis, Rcz. XXIII (1974) Nr. 1. S. 37–44.

10 Подробнее эта тема была развита в двух моих докладах в Иерусалиме (Достоевский у Вячеслава Иванова и Мандельштама // The International conference *Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism*. May 5–7, 2019, Hebrew University, Jerusalem; Мандельштам и иудейские заботы Достоевского и Розанова // Семинар "The Bible in Russian Modernism" в Еврейском университете, Иерусалим. Израиль. 6 января 2020.).

11 Более сложна картина отношений к поэтам-современникам: Хлебникову (вплоть до несостоявшейся дуэли), Белому и Блоку. См. пример ниже.

12 Ссылки на тексты Мандельштама даются по изд.: *Мандельштам О. Э.* Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. / Осип Мандельштам [сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Меца]. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Интернет-издание, 2020, с указанием тома (римск.) и страницы (арабск.). Комм/ А. Г. Меца ad loc: «Строфа со слишком отчетливой пародийной окраской, почему, вероятно, и не была введена в окончат. текст» (I, 554).

К этому собственно и сводится вся основная гипотеза, разумеется, не покрывающая весь материал. Развивать ее здесь не имеет смысла, я ограничусь несколькими примерами в следующем разделе. Упоминаю все это лишь как фон для всего того, о чем буду писать далее; я буду кратко отмечать появление соответствующих тем, но развивать эту гипотезу здесь не буду, это потребовало бы гораздо больше места.

Достоевские цитаты, аллюзии и прямые упоминания и т. д. встречаются в разных текстах Мандельштама, но некоторое «сгущение» этих точек характерно для прозы середины 20-х гг., особенно «Египетской марки»[13], статей в течение всех 20-х гг., в меньшей степени — в стихах начала 30-х годов (есть упоминание и в «Разговоре о Данте») и наконец в Воронежских стихах — особенно в «Третьей воронежской тетради». Центральным в этом круге являются, как я полагаю, «Как светотени мученик Рембрандт» (во второй тетради) и диптих: «К пустой земле невольно припадая» и «Есть женщины, сырой земле родные» в третьей. В настоящей статье я смогу разобрать только небольшую часть — а именно контекст Достоевской темы в Третьей воронежской тетради, не включая самого диптиха, только его окружение. Остальное частично было уже опубликовано — хотя и не в той мере и не в той форме, в какой хотелось бы, а частично остается в черновиках — завершение этих замыслов приходится отложить до другого случая.

II. Несколько заметок о более ранних примерах

Предварим анализ «Третьей тетради» несколькими замечаниями о Достоевской теме в целом.

Возвращаясь к общей гипотезе о смысле Достоевской темы, можно отметить, что та часть материала, которую я не рассматриваю, — прямые упоминания и очевидные цитаты из Достоевского — также соответствует предложенной трактовке темы либо как еврейско-русской, либо как темы России и Европы. Вот пример из «Шума времени»:

> …как много истории билось и трепыхалось возле тенишевской оранжереи *на курьих ножках* и пещерного футбола! Нет, *русские мальчики не англичане*, их не возьмешь ни спортом, ни кипяченой водой самодеятельности (II 204)[14].

13 См., в частности, *Левинтон Г. А.* Из комментариев к прозе Мандельштама. 1–7 // Топоровские чтения I–IV. Работы других авторов позволю себе не упоминать, включая очень содержательный коллективный комментарий к «Египетской марке».

14 Об историческом контексте, общественных проблемах в Тенишевском училище, см. *Мец А. Г.* Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПб.: Гиперион, 2020. С. 35. См. также *Сальман М. Г.* Из школьных лет О. Э. Мандельштама I, II // Русская литература. 2013, № 3. С. 168–181; № 4. С. 200–211. В. М. Жирмунский. Начальная пора. М.: НЛО, 2013. Ср. у Мандельштама далее: «В самую тепличную, в самую выкипяченную русскую школу ворвется жизнь с неожиданными интересами и буйными умственными забавами, как однажды она

Стихи «Играют мальчики в футбол» относятся к другой школе — «военной» (Кадетскому корпусу, где Мандельштам снимал комнату, по воспоминанию Ахматовой)[15], но ср. в главе «Тенишевское училище»:

> «На Загородном, во дворе огромного доходного дома <…> десятка три мальчиков в коротких штанишках, шерстяных чулках и английских рубашечках со страшным криком играли в футбол. У всех был такой вид, будто их *возили в Англию или Швейцарию* [ср. «Идиот»?] и там приодели, *совсем не по-русски*, не по-гимназически, а на какой-то кембриджский лад» (II, 196).

Ср. также о соученике по Тенишевскому училищу: *начетчик по Достоевскому*[16] — своего рода иллюстрация к «русским мальчикам»[17].

«Русские мальчики» («излюбленное выражение Достоевского»)[18] — это, конечно, лейтмотив из разговора Ивана Карамазова с Алешей в

ворвалась в пушкинский Лицей <…> социал-демократ перегрызает горло народнику и пьет его эсеровскую кровь» (II, 205) — последние слова перекликаются уже с «Здесь, в глубокой страстной распре с.-р. и с.-д., чувствовалось продолжение *старинного раздора славянофилов и западников*. Эту жизнь, эту борьбу издалека благословляли столь разделенные между собой Хомяков и Киреевский и патетический в своем западничестве Герцен» (II, 213). Напомню, что стихи Хомякова «К И. В. Киреевскому» (1847) стали источником строк «У ворот Ерусалима / Солнце черное взошло»: «И стремися в те пределы, / Где тебе, наш путник смелый, /*Солнце новое взошло*» в сочетании с его же «Из ворот Ерусалима / Шла народная волна» («Широка необозрима» 1858), (см. *Ронен О*. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. С. 37, впервые: Slavic Poetics: Essays in hon. of K. Taranovsky. The Hague; Paris, 1973. P. 383), ср. выше комический вариант этой формулы. Еще один повтор связывает два только приведенных пассажа: рядом с «эсеровской кровью» — «Повторяю: Белинского мои товарищи терпеть не могли за расплывчатость мироощущения, а Каутского уважали, и наряду с ним *протопопа Аввакума*, чье житие в павленковском издании входило в нашу российскую словесность» (II, 205) и непосредственно перед «раздором славянофилов и западников»: «Здесь <т. е. в мире “эрфуртской программы, коммунистических манифестов и аграрных споров”> был свой *протопоп Аввакум*, свое двоеперстие (например, о безлошадных крестьянах)» (II, 213).

15 См., напр., *Мандельштам О. Э*. Собрание стихотворений 1906–1937 / сост. О. А. Лекманова, М. А. Амелина, коммент. О. А. Лекманова, Е. А. Глуховской, А. А. Чабан. М.: Рутения, 2017. С. 343–344.

16 «Первый ученик Слободзинский — человек из сожженной Гоголем второй части “Мертвых душ”, положительный тип русского интеллигента, умеренный мистик, правдолюбец, хороший математик и начетчик по Достоевскому» (II, 198–199).

17 «А все-таки в Тенишевском были хорошие мальчики. Из того же мяса, из той же кости, что дети на портретах Серова» (II, 199).

18 «Русским мальчикам (излюбленное выражение Достоевского), поглощенным решением конечных мировых вопросов <…> культура представляется помехой в их стремительном движении к концу» (*Бердяев Н*. Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA Press, 1923 (repr. Paris: YMCA, 1968). С. 14 https://fedordostoevsky.ru/pdf/berdyaev.pdf; также: «Грязные трактиры, в которых «русские мальчики» ведут разговоры о мировых вопросах <…>» (Там же, с. 37)

трактире (глава «Братья знакомятся»)[19], но рядом слова *на курьих ножках* перекликаются с позднейшими стихами

> В стеклянные дворцы на курьих ножках
> Я даже легкой тенью не войду,

которые, естественно, восходят к «Запискам из подполья» с темой *хрустального дворца* и *курятника*.

> В образе *стеклянные дворцы на курьих ножках* соединены черты (1) лондонского Crystal Palace, описанного в четвертом сне Веры Павловны как прообраз архитектуры социалистического завтра и высмеянного в «Записках из подполья» как скучный итог утилитаристских стремлений к общему благу; (2) московского Дома Центросоюза, недавно начатого строительством; (3) избушки на курьих ножках <…> Дом Центросоюза оказывается во всем подобен Crystal Palace, и *не войду* лирического героя Мандельштама вторит *не приму* подпольного человека Достоевского[20].

Добавлю, что московская постройка в духе конструктивизма ассоциировалась с именем Ле Корбюзье, что усиливает «западный» элемент в контрасте с избушкой на курьих ножках.

Русские мальчики (в единственном числе) применительно к самому Достоевскому появляются у Розанова:

> Мы, наконец, скажем эту главную тайну его биографии и главный смысл его лица, <…> что он сам, «наш Федор Михайлович», был от «аза» и до «ижицы» <…> «тоскующим русским мальчиком» <…> Загорит, заблестит луч денницы, — как процитировал или сочинил Достоевский в отношении евреев, «готовых покинуть Европу» и уйти в Ханаан: <…> И сребро, и добро, и святыню Понесем в старый Дом, в Палестину[21].

---

19 В этом же разговоре Иван постоянно применяет к «мальчикам» эпитет *желторотые* — ср. «Нынче день какой-то желторотый» (I, 185; 9–28 дек. 1936).

20 *Безродный М.* Короб третий. СПб.: Чистый лист, 2019. С. 156–158; ранее *Безродный М.* Дворцы на курьих ножках // Toronto Slavic Quarterly 42, 2012. P. 259–261. О контекстах хрустального дворца (Crystal palace) см. еще *Михновец Н. Г.* «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского в современных зарубежных исследованиях // Русская литература, 2014, № 3. С. 120.

21 *Розанов В. В.* О происхождении некоторых типов Достоевского (Литература в переплетениях с жизнью) // В. В. Розанов «Легенда о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях (Собрание сочинений под общей редакцией А. Н. Николюкина). М.: Республика, 1996. С. 587 (Впервые: Русское слово. 1911. 28 октября, 4 и 15 ноября. № 248, 254, 263. Подпись: В. Варварин). Комм: Загорит, заблестит луч денницы — строки из песни Рахили в драме Н. В. Кукольника «Князь Даниил Васильевич Холмский» (1840; д. II, сц. 2), которые Ф. М. Достоевский цитирует в «Дневнике писателя» (1877, март, гл. 2, III).

Характерно, что и здесь появляется еврейская тема[22]. Напоминаю об этом, потому что она будет присутствовать во всем дальнейшем изложении, и важно помнить, что в связи с Достоевским она возникает постоянно и не по моей прихоти или предубеждению. Совершенно русский (даже, по некоторым свидетельствам, довольно антисемитски настроенный) М. А. Кузмин тоже не избегает этой ассоциации.

> Обратно мы ехали на верхушке конки; двое пьяных скандалили всю дорогу с солдатом, сначала было смешно, вроде Чехова, но потом пошли пьяные выкрикиванья с надрывом, *какая-то достоевщина*. Пьяного высадили, он опять через минуту влез, его отправили в участок, и я дал свой адрес, чтобы, в случае нужды, меня вызвали свидетелем.
>
> Какой-то человек обрушился на меня, заподозревая, что я себя выдаю за другого, *и что я еврей*, и разные пустяки, и он пошел за нами и все ворчал, и, когда мы вошли в подъезд, он еще раз *крикнул: «Жидовская морда». Меня столько раз принимали за еврея*, что мне это все равно, но я понял мое отвращение от блестящих грязью улиц Петербурга под зажженными фонарями, от Подъяческих и т. п. Это именно *достоевщина, психоз, надрыв, Раскольников, полупьяная речь, темнота, безумие, самоубийство*. Это то, от чего я содрогаюсь и чего не хочу и не понимаю; и мокрая грязная панель вечером на узкой с пьяными и рабочими улиц<е> Петербурга — это символ. Темная вода Невы, какой ужас; представляется бултыханье тела, участок, утопленник, все грубое, темное, грязное и в нелепости трагическое, и ненужное, и лживое[23].

Разумеется, появление имени Достоевского или скрытой цитаты из него не обязательно относится к русско-еврейской или русско-западной теме (в частности, этого не видно в «Третьей воронежской тетради»). Так Достоевская тема «Египетской марки» (отчасти и «Шума времени» — прежде всего в «Ребяческом империализме» и «Хаосе Иудейском» и др.) связана не только с конкретными темами повести, еврейско-русской и отчасти еврейско-польской, с темами скандала, калош и т. д., но и с «оглядкой» на общую традицию русской прозы (так сказать, «путь Мандельштама к прозе»); иначе говоря, в первых опытах прозы (сначала мемуарной, потом «фикциональной») он не мог не «отметиться» на главных прозаических именах. Как обычно, Мандельштам приписывает это свойство одному из главных своих *собеседников* (но говорит не о прозе, а о стихах):

---

22 Может быть, сюда примыкают и строки Хлебникова: «Русские мальчики, львами / Три года охранявшие народный улей, / Знайте, я любовался вами» («Союзу молодежи» // Библиотека поэтов. № 1, М., 1922. С. 15; *Хлебников В.* Собрание произведений. Т. 3. С. 151; В. Хлебников. Творения. С. 149).

23 *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907 гг. Пред., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2000. С. 38 — запись от 7 сент. 1905.

> Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с «Анной Карениной», Тургенева с «Дворянским гнездом», всего Достоевского и отчасти даже Лескова.
> Генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не поэзии. Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развивала с оглядкой на психологическую прозу.
>
> (II, 58 Письмо о русской поэзии. Январь 1921, опубл. 1922).

Внутри статьи это прямое упоминание Достоевского противопоставлено очевидной цитате из него же (цитата неточная, но закавыченная): «От космической поэзии Вячеслава Иванова, где “даже минерал произносит несколько слов”, осталась маленькая византийская часовенка[24]». Приведу комментарий А. Г. Меца:

> “*даже минерал произносит несколько слов*” — из романа Достоевского «Бесы», в изложении. Речь идет о юношеской поэме Степана Трофимовича Верховенского, написанной «в духе второй части “Фауста”», здесь: «пропел о чем-то один минерал, то есть предмет уже вовсе неодушевленный» (гл. 1, I; установлено О. Роненом) (II, 501)[25].

В контексте статьи получается, что символист невольно уподобляется персонажу Достоевского и персонажу в некоторых отношениях комическому, тогда как поэт-акмеист прямо взаимодействует с самим писателем, «наследуя» ему[26]. О. Ронен пишет об этом специально: «О. А. Лекманов[27] рассказывает забавный случай о том, как он нашел в “Бесах” источник сделанной Мандельштамом по поводу поэзии Вяч. Иванова издевательской шутки о “минерале, произносящем несколько

---

24 Не мог ли Мандельштам, столь подробно описавший Айя-Софию (по письменным источникам), подразумевать, хотя бы отчасти, крохотную церковь в Стамбуле под названием «Хора».

25 В 1-м и 2-м изданиях вместо «Бесов» был «Идиот», не будем придираться к этой описке, автор настоящей работы и сам в переписке с К. Ф. Тарановским пытался приписать «клейкие листочки» Дмитрию Карамазову. «В изложении», видимо, означает неточную цитату, пересказ.

26 Ср., может быть, замечание Пастернака о Маяковском как персонаже Достоевского: «…поэт Маяковский, по мнению Юрия Живаго, вполне вписывается в галерею бунтующих героев Достоевского: «Это какое-то продолжение Достоевского. Или, вернее, это лирика, написанная кем-то из его младших бунтующих персонажей, вроде Ипполита, Раскольникова или героя “Подростка” <…> в книге воспоминаний “Люди и положения” Пастернак сравнивает Маяковского с героями Достоевского: “И мне сразу его решительность и взлохмаченная грива, которую он ерошил всей пятерней, напомнили сводный образ молодого террориста-подпольщика из Достоевского, из его младших провинциальных персонажей”» (4, 334).] (*Туниманов В. А.* Достоевский, Б. Л. Пастернак и В. Т. Шаламов: Скрещенье судеб, поэтических мотивов, метафор (1. «Воздух» и работа на «чистом воздухе») // *Туниманов В. А.* Ф. М. Достоевский и русские писатели XX века. СПб., 2004. С. 272.

27 *Лекманов О. А.* Вокруг Мандельштама. Из комментария // Художественный текст и культура. Владимир, 1997. С. 43.

слов". Уже на следующий день он выяснил, что его опередил В. Айрапетян, а спустя месяц оказалось, что Айрапетяна опередил Жолковский, а Жолковского Ронен, а Ронена опередили Василенко и Юрий Фрейдин»[28].

Достоевский вообще, независимо от конкретного контекста, принадлежит к «цитатной клавиатуре» образованного русского читателя, такие примеры у Мандельштама тоже есть, ср., например, в контексте общих рассуждений о поэтике (более или менее в русле ОПОЯЗа[29])

> Да что — «Декамерон»! Достоевский — отличное застольное чтение, если не сейчас, то в очень недалеком будущем, когда вместо того, чтобы плакать и умиляться над ним, как горничные умиляются над Бальзаком и отличными бульварными романами, будут воспринимать его чисто литературно, и тогда в первый раз прочтут и поймут (II, 107 Литературная Москва. Рождение фабулы. 1922).

Но более всего эта функция очевидна в примере из устной речи Мандельштама, сохраненном мемуарами Э. Г. Герштейн в эпизоде, относящемся к самому началу знакомства с Мандельштамами и к самому началу мемуаров:

> Спросили «профессора», не прочтет ли он что-нибудь. Тот ядовито обратился к человеку с круглыми покатыми плечами, но в форме летчика: «А если я попрошу вас сейчас полетать, как вы к этому отнесетесь?» Все были ошарашены.<…> «профессор», оказавшийся поэтом, презрительно проворчал еще что-то насчет «птижё»[30].

Это *petit jeu* относится, конечно, к эпизоду в «Идиоте» (ч. I, гл. XIII–XIV):

> — Хорошо в пети-жё какое-нибудь играть, — сказала бойкая барыня.
> — Я знаю одно великолепнейшее и новое пети-жё, — подхватил Фердыщенко, <…>
> — Да этак заплачешь, а не засмеешься, с таким пети-жё, — заметила бойкая барыня.<…> — Но позвольте, господин Фердыщенко, разве возможно устроить из этого пети-жё? — продолжал, тревожась всё более и более, Тоцкий.<…> Не могу, Настасья Филипповна; да и вообще считаю такое пети-жё невозможным <…> Вы правы, Афанасий Иванович, пети-жё прескучное, и надо поскорей кончить, — небрежно вымолвила Настасья Филипповна,

---

28 *Ронен О.* Два сонета Мандельштама и две интерпретации // *Ронен О.* Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион 2002. С. 201. И в этом пассаже, и в комментарии Меца имеется в виду: O. Ronen, *An Approach to Mandel'štam* (Jerusalem: The Magnes Press, 1983), p. 79: «В «Письме о русской поэзии» (1922 <…>) Мандельштам недоброжелательно предполагает, что "космическая поэзия" Вячеслава Иванова напоминает лирико-драматическую аллегорию Степана Трофимовича Верховенского: "даже минерал произносит несколько слов" ("даже, если припомню, пропел о чем-то один минерал, то есть предмет вовсе неодушевленный" — Бесы, гл. I)».

29 См. *Тоддес Е. А.* Мандельштам и ОПОЯЗовская филология // *Тоддес Е. А.* Избранные труды по русской литературе и филологии. М.: НЛО, 2019. С. 394–412.

30 *Герштейн Э. Г.* Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998. С. 7.

— <…> кончить таким пети-жё дело серьезное, дело чести и сердца <…> И почему «пети-жё»? Я действительно хотела рассказать свой анекдот, ну, вот и рассказала.

Нельзя исключить также чисто «биографической» мотивировки Достоевской темы в воронежских стихах. В конце концов судьба Мандельштама — в его первом «деле» может быть понята именно как повторение судьбы Достоевского[31]. На этом построена концепция его «примирения с действительностью» в работах М. Л. Гаспарова: «Он шел на смерть, но смерть не состоялась, вместо казни ему была назначена ссылка. Это означало глубокий душевный переворот — как у Достоевского после эшафота»[32]. Мандельштам действительно вполне допускал возможность расстрела и говорил об этом, например, Э. Г. Герштейн: «Обдав меня своим прямым огненным взглядом, он остановился: — Смотрите — никому. Если дойдет, меня могут… РАССТРЕЛЯТЬ!»[33] Вообще тема расстрела в стихах 30-х гг. и в «Четвертой прозе» хорошо известна, К. Ф. Тарановский находит ее в стих. «Не говори никому»[34]. Формулу «высшая мера» Н. Я. Мандельштам видела в стихах «Еще мы жизнью полны в высшей мере»[35]. Не только расстрел, но и каторга и последующие годы в армии и «на вольном поселении» в Семипалатинске тоже могли рассматриваться Мандельштамом как прецедент, подобно тому, как Пушкин подчеркивал параллель между собой и Овидием, и эти пушкинские строки Мандельштам частично процитировал

31 Ср. также рассказ кн. Мышкина об отмененном расстреле (Идиот, ч. I, гл. V). Об этом эпизоде см. в другой работе автора.

32 *Гаспаров М. Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1837 года М.: РГГУ, 1996. С. 18. В этой формулировке трудно не заподозрить волошинский подтекст: «Темен жребий русского поэта: / Неисповедимый рок ведет / Пушкина под дуло пистолета, / Достоевского на эшафот» (напомню, что Достоевскому грозил расстрел, а не отсечение головы, так что эшафот тут не совсем уместен). За семь лет до ссылки Мандельштама эта тема (как историческая) появлялась у Пастернака: «Недра шахт вдоль Нерчинского тракта. / Каторга, какая благодать! / Только что и думать о соблазне. / Шапку в зубы — да минуй озноб! / Мысль о казни — топи непролазней…» (Лейтенант Шмидт). Эта строка о каторге цитируется в соответствующем сюжетном контексте в «Крутом маршруте» Е. Гинзбург.

33 *Герштейн Э. Г.* Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998. С. 51.

34 K. Taranovsky, *Essays on Mandelstam* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976), pp. 123–124. См. также *Левинтон Г. А.* Опять от Пушкина... // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М.: НЛО, 2011. С. 240–250 (главка V. «Пенал»). Возможно, что отголоском мотива «При наступлении дня / Мелкая хвойная дрожь» являются строки Ахматовой «Под густым туманом / Над Москвой-рекой, / С батькой-атаманом / В петельке тугой» («Со шпаной в канавке»).

35 Комический вариант этой темы (как часто бывает у Мандельштама) — в басне (1 июня 1934): «Один портной / С хорошей головой / Приговорен был к высшей мере. / И что ж — портновской следуя манере, / С себя он мерку снял — / И до сих пор живой» (I, 310).

(провиденциально) в статье «Слово и культура» (II, 43 — см. ниже)[36], ср. также письмо к Н. Я. Мандельштам (из Ленинграда в Коктебель) от 1 окт. 1926 г.: «<…> Зачем я тебя сослал к морю, как Овидия какого-нибудь?» (III, 370).

Именно этот прецедент, не каторга, а как бы ссылка в Семипалатинске «проступает» (по слову Ахматовой) в стихах:

Земля бежит наверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной
Семипалатной простоты

(«Пластинкой тоненькой жиллета», 15–27 дек. 1936, I, 187–188).

III. Воронежские тетради

Перейдем к «Третьей воронежской тетради»; однако, нужно начать несколько раньше: с первых стихов «Воронежских тетрадей» в них возникает мотив *земли*, частотность этого слова очень велика[37], ср. особенно:

И в голосу моем после удушья
Звучит земля — последнее оружье,
Сухая влажность черноземных га

(Стансы, Май — июль 1935, I, 176–177).

Мотив земли, однако, не ограничивается одним этим словом, вот ранние воронежские примеры с синонимами: «*Чернопахотная* ночь степных закраин» («Я живу на важных огородах» апрель 1935, I, 173) «Как на лемех приятен *жирный пласт*» («Я должен жить, хотя я дважды умер» апрель 1935, I, 173), эта и следующая строка повторяются в «Черноземе», который весь посвящен этой теме (с «историко-революционным» каламбуром, напоминающим об эсеровской теме в «Шуме времени»)[38].

---

36 Ту же роль, вероятно, могла играть в Воронеже и Дантова тема.

37 Н. Е. Штемпель, приведя «чернопахотную ночь…», суммирует: «Посмею сказать, что Осип Эмильевич полюбил эту землю» («Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. / сост. П. Нерлер и Н. Гордина; М.; Воронеж: Кварта, 2008 (Серия: Записки Мандельштамовского общества. Т. 15). С. 30–31.

38 «Стихотворение “Чернозем” было написано под впечатлением распаханных опытных полей СХИ, где Осип Эмильевич нередко гулял ранней весной. Вплотную к полям подходил Ботанический сад, а напротив была Архиерейская роща. Там в 1879 году собрался съезд “Земли и воли”, на котором присутствовали Плеханов, Софья Перовская, Вера Фигнер, Желябов и другие. Не отсюда ли в стихах Мандельштама “комочки влажные моей земли и воли”?» («Ясная Наташа», с. 70), напомню, что Ботанический сад был поводом к «Я к губам подношу эту зелень».

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух и призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор, —
Комочки влажные моей земли и воли...

Другой поворот темы — «Да, я лежу в *земле* губами шевеля» (май 1935, I, 175) — также имеет некоторое отношение к дальнейшему разворачиванию темы (ср. «праматерь гробового входа»). Нужно подчеркнуть, что в этом аспекте земля носит, по-видимому, негативный характер, ср. сразу после «Чернозема»:

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета —
Губ шевелящихся отнять вы не могли.
Май 1935

Причем *шевелящиеся губы* объединяют эти стихи с только что упомянутыми.

Специально о теме земли писал Б. М. Гаспаров[39], который выделяет «Чернозем» как «поворотное» стихотворение.

> Однако «Стансы» вовсе не являются автобиографическим продолжением «Концерта на вокзале», а скорее его антиподом. Из знака смерти поэта и гибели поэзии («Нельзя дышать, и твердь кишит червями…») удушье превращается в эмблему органического приобщения поэта к жизни. Голос поэта, забитый землей, звучит в полную силу: то, что он произносит, шевеля губами в земле, «заучит каждый школьник».

Однако утверждение: «Поэт, задыхающийся в глубинах черноземной степи, ощущает, как будто его гортань оказалась забита землей» — совершенно не соответствует сюжету стихов (не возникло ли оно из Бродского: «пока мне рот не забили глиной»? Не говоря уже о том, что твердь, конечно, означает небо, а не землю). Соблазнительно видеть зерно в качестве субъекта речи в стихотворении «Да я лежу в земле» — со всей традицией от Гераклита до Евангелия, но все-таки прямых оснований для этого нет, «антропоморфный» герой кажется более вероятным. Здесь, как часто бывает в слишком логически выстроенных толкованиях (если А, то В, а если В, то следовательно…), чем дальше разворачивается метатекст, тем дальше он отходит от толкуемого текста.

Думаю, что среди многих истоков этого мотива нужно назвать и *почву*, почвенничество Достоевского (может быть, и других, вроде Ап. Григорьева). Отметим, что черноземная тема проскальзывает и в

---

39 *Гаспаров Б. М.* Севооборот поэтического дыхания: Мандельштам в Воронеже, 1934–1937 // НЛО, 2003, № 5. С. 24–38.

ранних стихах «Посох» (1914, I, 62), как считается, от лица Чаадаева[40], с эксплицитной русско-итальянской темой:

А снега *на черных пашнях*
Не растают никогда,

Ср. в предыдущей строфе уже совсем Достоевскую ситуацию — или обратную ей[41]:

Я земле не поклонился
Прежде, чем себя нашел;
Посох взял, развеселился
И в далекий Рим пошел.

«Посох в руке странника» упоминает Розанов в «Легенде о великом инквизиторе»[42].

Следующие стихотворения уже относятся непосредственно к Достоевской теме и содержат достаточно явные Достоевские подтексты. Прежде, чем перейти к ним, замечу, что среди мелких деталей, упрочивших Достоевские ассоциации Воронежа, можно назвать и такую, как адрес С. Б. Рудакова, от которого Мандельштамы «унаследовали» Н. Е. Штемпель[43],— «Вскоре после приезда, 6 апреля, он поселился в комнате по адресу: переулок Достоевского, 24»[44].

Еще не умер ты. Еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и вьюгой.

---

40 Ср. имя Чаадаева в планах «Жития великого грешника».

41 Это «не поклонился» по отношению к ритуальному действию очень напоминает заговорные негативные формулы: «Встану, не помолясь, пойду, не перекрестясь…».

42 «В XVI веке, к которому относится описываемая сцена, необходимость авторитета и нерассуждающего подчинения была особенно сильно сознана Римом <…> проводниками этой идеи выступили: Тридентский собор и орден иезуитов с его учением о безусловном подчинении* старшим, о совершенном подавлении индивидуальной воли» .К слову «подчинении» — сноска: «“Будь в руке старшего тебя покорен, как посох в руке странника” и пр.» (*Розанов В. В.* «Легенда о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского. С. 71).

43 «Очень смущаясь я пролепетала что-то невнятное о Сергее Борисовиче. «Ах, вот кого он прятал!» — лукаво и весело воскликнул Мандельштам» (*Штемпель Н. Е.* Мандельштам в Воронеже. https://biography.wikireading.ru/72982; «Ясная Наташа». С. 30–31).

44 О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) Вступительная статья Е. А. Тоддеса и А. Г. Меца // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 г. Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб.: Академич. проект, 1997. С. 10 (этот раздел вступит. статьи написан А. Г. Мецом).

В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен —
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как тень его,
Пугает лай и ветер косит,
И жалок тот, кто, сам полуживой,
У тени милостыни просит.

(15–16 января 1937, I 193–194).

Я имел уже случай писать об этом стихотворении[45], повторю некоторые положения чуть подробнее. В известном письме к Тынянову 21 января 1937 г. Мандельштам говорит: «Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень», — эти слова перекликаются с мотивом *тени* в воронежских стихах: «Слышу, слышу ранний лед» (22 янв. 1937, I, 196): «Так гранит зернистый тот / *Тень* моя грызет очами <…> Или *тень* баклуши бьет/ И позевывает с вами», и особенно «Еще не умер ты, еще ты не один» с тем же повтором слова *тень*: «Несчастлив тот, кого, как *тень* его,<…>У *тени* милостыню просит» (в обоих случаях — двукратное повторение *тени*). Прямой смысл фразы из письма к Тынянову отчетливо перекликается с начальным стихом этого стихотворения, а также с более ранним: «Держу пари, что я еще не умер» («Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!», 7 июня 1931, I, 144–145). В контексте перекличек между Мандельштамом и Тыняновым правомочно возводить эти слова к письму Кюхельбекера к Грибоедову, процитированному в «Кюхле»: «Я долго колебался, писать ли к тебе. Но, может быть, в жизни не представится уже такой случай *уведомить тебя, что я еще не умер*». В стихотворении появляются также слова «спокоен и утешен», которые восходят к словам арестованного Дмитрия Карамазова[46], обращенным к исправнику Михаилу Макаровичу:

— Дмитрий Федорович, слушай, батюшка, — начал, обращаясь к Мите, Михаил Макарович, и все взволнованное лицо его выражало горячее отеческое почти сострадание к несчастному, — я твою Аграфену Александровну отвел вниз сам <...> Сама послала меня сюда сказать тебе, чтоб *ты за нее был спокоен*, да и надо, голубчик, надо, чтоб я пошел и сказал ей, что ты *спокоен и за нее утешен.* <...> Так как же ей сказать, Дмитрий Федорович, *будешь сидеть спокоен*

45 *Левинтон Г. А.* Мандельштам и Тынянов. // Четвертые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы к обсуждению. Рига, 1988. С. 21–23.

46 Это наблюдение принадлежит Ю. Л. Фрейдину, мне сообщил его еще в 70-х годах Ал. Морозов со ссылкой на него. Из моей ссылки в указанных тезисах оно попало и в комментарии к Мандельштаму (А. Г. Меца).

аль нет? <…> Простите, господа, позвольте, о, позвольте! — вскричал он, — ангельская, ангельская вы душа, Михаил Макарович, благодарю за нее! *Буду, буду спокоен*, <...> Но теперь, теперь *я утешен*![47]

К словам Мити восходит и пересказ другого письма героя в «Кюхле»: «Вильгельм писал матери, что *здоров и спокоен*» Ср. письмо Мандельштама к Н. Я. Мандельштам от 30 апреля 1937 г. (т. е. в начале Достоевского цикла): «Родная моя Надинька! Посылаю выписку и заявление для передачи Ставскому. *Я здоров и спокоен*» (III, 474).

К «Версиловской» русско-европейской теме относится, видимо, и следующее стихотворение, сочетающее Достоевскую тему с Дантовской.

Не сравнивай: живущий несравним.
С каким-то ласковым испугом
Я согласился с равенством равнин,
И неба круг мне был недугом.

Я обращался к воздуху-слуге,
Ждал от него услуги или вести,
И собирался в путь, и плавал по дуге
Неначинающихся путешествий...

Где больше неба мне — там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

16 марта 1937 (I, 210).

Равнины — не считая армянских (и чапаевских) стихов, это слово повторяется в группе стихов января 1937 г.: «Ты наслаждаешься величием равнин» («Еще не умер ты, еще ты не один», 15–16 января I, 193–194 — тоже с Достоевским подтекстом, см. о нем непосредственно выше). Следующее по хронологии стихотворение «В лицо морозу я гляжу один» (16 января, I, 194): «Равнины дышащее чудо»[48]. Еще через одно: «Что делать нам с убитостью равнин»,16 января, I, 194).

Неба круг несомненно относится к Дантовой теме, ср. двойчатку «Заблудился я в небе — что делать?» со строками «дантовы девять / атлетических дисков» в обоих стихотворениях и особенно

47 Братья Карамазовы ч. III кн. IX, Предварительное следствие, гл. III. Хождение души по мытарствам. Мытарство первое // Собр. соч. Т. 14. С. 418.

48 Финальные строки: И не ползет ли медленно по ним / Тот, о котором мы во сне кричим, — / Пространств несозданных Иуда? — может быть следует сопоставить (в духе «двойного дна», политических «амбивалентных антитез») с «Глазами Сталина раздвинута гора / И вдаль прищурилась равнина».

Круг Флоренции своей
Алигьери пел мощней
Утомленными *губами*.

(Слышу, слышу ранний лед 22 января 1937 I, 196).

Собирался в путь и неначинающихся путешествий — разумеется, связаны с коннотацией неволи, ср. «Лишив меня морей разбега и разлета» (май 1935, I, 175… ср. в этом последнем стихотворении: «*Губ* шевелящихся отнять вы не смогли»). *Губы* в воронежских стихах перекликаются и с разъятым сталинским портретом:

Но эти наступающие губы —
Но эти губы вводят прямо в суть
Эсхила-грузчика, Софокла лесоруба

(«Где связанный и пригвожденный стон?» 19 янв. – 4 февр. I, 198).

В том же аспекте амбивалентности можно сказать, что здесь возникает лагерная тема, которая появлялась ранее в стихах марта 1931 года: «Уведи меня в ночь, где течет Енисей» («За гремучую доблесть грядущих веков (17–28 марта 1931, I, 135–136) и «Колют ресницы в груди прикипела слеза» (4 марта 1931, I, 134).

С нар приподнявшись на первый раздавшийся звук,
Дико и сонно еще озираясь вокруг,
Так вот бушлатник шершавую песню поет
В час, как полоской заря над острогом встает.

Здесь можно заподозрить отголосок каторжной темы из «Египетской марки»:

<…> изящнейший фарфоровый портной мечется, как каторжанин, сорвавшийся с нар, избитый товарищами, как запарившийся банщик, как базарный вор, готовый крикнуть последнее неотразимо-убедительное слово.

В моем восприятии Мервиса просвечивают образы: греческого сатира, несчастного певца-кифареда, временами — маска еврипидовского актера, временами — голая грудь и покрытое испариной тело *растерзанного каторжанина, русского* ночлежника или *эпилептика* (II, 251).

Если в названных стихах речь, видимо, идет о советских лагерях, то в прозе — это, конечно, царская каторга, и выделенные слова читаются как описание Достоевского[49]. Это очень редкий случай, когда зашифровываются, переводятся в аллюзию не тексты Достоевского, а сама фигура писателя, который обычно называется прямо, как и его персонажи.

49 «Прообразом, как предполагают комментаторы, послужил Ф. М. Достоевский» (комм А. Г. Меца. II, 568) Впервые было отмечено в моем докладе 1974 года, см. хронику А. Латыниной в «Вопросах литературы» (1975, № 8. С. 312).

В связи с Достоевским важно, что Мервис — один из главных еврейских персонажей в «Египетской марке», и весь пассаж, как известно (отмечено, напр., в комм. А. Г. Меца, III, 618), восходит к описанию Михоэлса в статье «Московский государственный еврейский театр» (III, 185-7)[50]. Еврейская тема тут эксплицитна и соединена с русской и античной, греческой[51] — что особенно интересно на фоне постоянного противопоставления иудейский и греческой культур не только в философской или околофилософской прозе 1910–20-х годов[52], но и в более ранних статьях самого Мандельштама, как, например, «Скрябин и христианство».

По дуге ассоциируется с Восьмистишиями «И дугами парусных гонок» — а они в свою очередь с пассажем о китайских джонках в «Разговоре о Данте» (и то, и другое — метафоры поэтического творчества).

Наконец, последние три строки подобно pointe соединяют воронежские холмы с дантовскими тосканскими[53] (ср. «Флорентийская била *тоска*» в «Заблудился я в небе…»)[54], которые получают Достоевский

---

50 См. еще «Московский государственный еврейский театр. Из черновиков» III, 264-5. Мандельштам писал эту фамилию: Михоэльс.

51 Ср. также книгу *Пумпянский Л.* Достоевский и античность. Пг., 1922.

52 См. из новых работ *Дэвидсон П.* Афины и Иерусалим: две вещи несовместные? Значение идей Вяч. Иванова для современной России // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 65–72.

53 Ср. отголосок в стихах Н. Горбаневской: «Там, где пушкинская осень над тосканскими холмами…».

54 В «Разговоре о Данте»: «Нет синтаксиса — есть намагниченный порыв, тоска по корабельной корме, тоска по червячному корму, тоска по неизданному закону, тоска по Флоренции» (II, 285) и в черновиках «Есть огромный порыв к говору родной провинции — тяга тосканская» (II, 391) Ср. наш с *Л.* Г. Степановой комментарий:
Смысл мандельштамовской тетрады «тоски» не вмещается в рамки разъяснительного комментария. Сама структура с опорным словом «тоска» навеяна «Кипарисовым ларцом» Инн. Анненского (1910), где не менее десятка стихотворений названы: «Тоска возврата», «Тоска вокзала», «Тоска миража», «Тоска сада» и т. п. <…> Она задана как четырехчленная парадигма, своеобразная партитура с пометой non legato ‘не связано’ — нет синтаксиса. Из четырех элементов этой «парадигмы» последний — тоска по Флоренции — является самым понятным, это «образцовый» пример тоски. Ср.: «если трудно быть изгнанником вообще, то изгнанником Флоренции быть трудно вдвое, вдесятеро, ибо велика тоска человека по Флоренции» (Б. К. Зайцев. Данте и его поэма. М., 1922. С. 29 — мотив, который, как известно, повторится в воронежских стихах: «И ясная тоска меня не отпускает / От молодых еще воронежских холмов / К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане» (из ст-ния «Не сравнивай: живущий несравним ...», 1937), «Чтобы в уши, в глаза и в глазницы / Флорентийская била тоска» (из ст-ния «Заблудился я в небе — что делать?..», 1937). О теме изгнания и специально о «тоске» см. *Мейлах М. Б.*, *Топоров В. Н.* Ахматова и Данте // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1972. Vol. XV. C. 59–63)». (II, 543–544).

эпитет *всечеловеческие*[55]. Слова *общечеловек* и *всечеловек* и соответствующие прилагательные прямо ассоциируются с поздним Достоевским и неоднократно повторяются у него[56], например, в «Пушкинской речи»:

> Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите.

Или

> Величайшее из величайших назначений, уже сознанных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству[57]

Для нашего контекста особенно важны главки «Похороны “общечеловека”» и «Единичный случай» в «Дневнике писателя» 1877, гл. III[58] (Собр. соч. Т. 25. С. 89–90) из-за ее связи с еврейской темой, которая затрагивается в этих главках и целиком заполняет предшествующую вторую главу. Напомню, что тут появляется и тема живописи («Если бы я был художником …» — сюжет «Ночь у еврейки-родильницы» отчасти, вероятно, перекликающееся с пушкинским «В еврейской хижине лампада»).

Наконец примечательно и то, что *общечеловек* несколько раз повторяется и в главе о некрасовском «Власе» (хотя, кажется, в негативном смысле):

---

55 Ср. *Левинтон Г. А.* Романия и романистика у Мандельштама // Res philologica-2: Сб. ст. памяти акад. Г. В. Степанова. СПб.: Петрополис, 2000. С. 203–13; *Сошкин Е. П.* Достоевский. https://simon-mag.livejournal.com/214294.html.

56 Подробный обзор см. *Буданова Н. Ф.* От «общечеловека» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» (Лексические заметки) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Вып. 13. С. 200–212. http://lib2.pushkinskijdom.ru/%D0%BE%D1%82-%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0-%D0%BA-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D1%83-%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%86%D1%83-%D0%B8-%D0%B2%D1%81%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D1%83-%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B8.

57 Дневник писателя. 1876, июнь, гл.1, I // Собр. соч. Т. 23. С. 30-31.

58 Дневник писателя. 1877, гл. III // Собр соч. Т. 25. С. 89–90. https://russian-literature.org/tom/416515.

> <…> вы и на Волге любили общечеловека в бурлаке и действительно страдали по нем, то есть не по бурлаке собственно, а, так сказать, по общебурлаке. Видите ли-с, любить общечеловека — значит наверное уж презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле нас настоящего человека[59].

Невозможно представить себе, чтобы Мандельштам делая свою «дневниковую» запись о «Власе» не вспомнил целую главу «Дневника писателя» об этом стихотворении[60]:

> 2 мая 1931 г. Чтенье Некрасова. «Влас» и «Жил на свете рыцарь бедный». <…>
> Та же фигура стихотворная, та же тема отозвания и подвига.
> Здесь общее звено *между Востоком и Западом*. Картина ада. *Дант лубочный из русской* харчевни.
>
> (Записи дневникового характера, II, 465).

Тема Запада и Востока возвращает нас к Достоевскому кругу тем, как и сопоставление крестьянской и отчасти фольклорной стилизации Некрасова с «западническим» («всемирная отзывчивость») пушкинским стихотворением (входившим в «Сцены из рыцарских времен»). Напомню также о роли «рыцаря бедного» в «Идиоте» (кстати *АМД* подписывал свои стихи в «Северных цветах» Александр Добролюбов).

Центральным стихотворением «Наташиного» цикла является диптих (эта структура отличается от двойчатки, которая строится не на смежности стихов, а на их относительном сходстве[61]) «К пустой земле невольно припадая» и «Есть женщины сырой земле родные». К нему примыкают группа из трех «свадебных» стихотворений. Строго говоря, тематически свадебным является только одно из них, «Клейкой клятвой липнут почки» (2 мая 1937, I, 216–217)[62], но тесная мотивная связь очевидным образом объединяет их, цикл начинается с «Я к губам подношу эту зелень» (4 мая

---

59 Дневник писателя 1873, гл. V. https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1873/05/.

60 А кстати, и «Три свидания» Вл. Соловьева: «Бог весть куда, без денег, без припасов, / И я в один прекрасный день пошел, — / Как дядя Влас, что написал Некрасов. / (Ну, как-никак, а рифму я нашел)».

61 См. к этому термину: *Левинтон Г. А. Двойчатки* Мандельштама // М. Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы / Сост., предисл. М. Акимовой, М. Тарлинской. М.: НЛО, 2017. С. 658–666.

62 «Я сказала Осипу Эмильевичу, что выхожу замуж. На другой день Осип Эмильевич прочитал мне стихотворение “Наташа”, свадебное стихотворение. Собственно говоря, оно не имело названия. Мы его назвали “Наташа” условно...» (*Штемпель*. Мандельштам в Воронеже. С. 59; Ясная Наташа. С. 62).

1937, I, 217)[63] с очевидным Достоевским подтекстом, но без эксплицитной свадебной темы, однако предшествующее ему стихотворение (та же дата и та же страница) начинается

Как по улицам Киева-Вия
Ищет мужа не знаю чья *жинка*[64].

При этом *Киева-Вия*, помимо всех гоголевских ассоциаций (и Вия в «Четвертой прозе»), вероятно, перекликается с Гумилевым: «Из логова змиева, / Из города Киева, / Я взял не жену, а колдунью»[65].

Как известно, Н. Я. Мандельштам сказала Н. Е. Штемпель, что стихотворение «На меня нацелились груша да черемуха» (4 мая I. 217 — прямо перекликающееся с «Клейкой клятвой…»): «Это о нас с вами, Наташа»[66]. Если это верно, а причин для сомнения, кажется, нет, то тем более вероятно, что свадебные стихи воспроизводят «прецедент» другого

---

63 Примерно так же определяет состав цикла Б. А. Минц (*Минц Б. А.* Пространство цикла, циклическое пространство (на материале стихов О. Мандельштама, посвященных Н. Е. Штемпель) // Восток — Запад: Пространство русской литературы и фольклора: Сб. ст. по итогам седьмой Международной научной конференции (заочной), посвященной 90-летию со дня рождения Д. Н. Медриша. Волгоград, 15 декабря 2016 г. Волгоград: Волгогр. научн. изд-во, 2017. С. 263–270. По ее словам (С. 269), Л. М. Видгоф (в рецензии на кн. «Ясная Наташа») присоединяет к этому еще и «Не сравнивай, живущий несравним» (*Видгоф Л. М.* Статьи о Мандельштаме. М.: Новый хронограф, 2015. С. 293), я не решился бы так передать мысль Видгофа, он отмечает что свадебный цикл и ряд других стихов 1937 г. объединены словом *ясный, ясная* и однокоренными, но не более того. «Не сравнивай…», конечно, принадлежит к Достоевскому циклу, но вряд ли свадебному или «Наташиному». Еще раньше М. С. Павлов обозначил этот цикл как «весенний» (*Павлов М. С.* Семантическая поэтика и комплексный анализ текста // «Отдай меня, Воронеж …»: Третьи междунар. Мандельштамовские чтения: Сб. ст. Воронеж: Изд-во Воронежск. Ун-та, 1995. С. 122–132), все стихи в нем укладываются в несколько дней на границе апреля и мая 1937 г.

64 «Шинель прокричала сырая» возвращает к группе стихов апреля — июля 1935 г. («Стансы», *май — июль 1935,* I, 176-8; «День стоял о пяти головах», апрель — *1 июня 1935,* I, 178; «Как на Каме-реке», апрель — *май 1935,* I, 176).

65 «Биографическая параллель: то, что и Гумилев, и Мандельштам взяли жен “из города Киева” — так часто обсуждалась в устном мандельштамоведении, что авторство этого наблюдения, вероятно, уже невозможно установить». (*Левинтон Г. А.* Город как подтекст (из «реального» комментария к Мандельштаму) // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ: к 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 737, сн. 22. См. также он же. «Ахматовой уколы» // Анна Ахматова и русская культура начала XX века. Тезисы конференции. М., 1989. С. 47. Ранее отмечено, например, в J. Baines. *Mandelstam: The Later Poetry* (Cambridge: Cambridge University Press, 1976), pp. 229–230.

66 *Штемпель*. Мандельштам в Воронеже. С. 62; Ясная Наташа. С. 65. В письме к жене от 2 мая 1937 г. М. писал о ст-нии: «Для общезначимости пришлось приписать Наташе старшего брата и сестру и постулировать характер будущего мужа. Но то, что я ее уговариваю выйти замуж, это вполне реально» (III, 477. Комм Меца I 598 – 599).

свадебного стихотворения, именно киевского — «На каменных отрогах Пиэрии».

Эти стихи, хронологически примыкающие к диптиху объединены темой или скорее формулой *клейкая клятва* восходящей, как известно, к *клейким листочкам* Ивана Карамазова (из той же сцены, что и *русские мальчики* и «Легенда о великом инквизиторе»):

Я к губам подношу эту зелень —
Эту клейкую клятву листов,
Эту клятвопреступную землю —
Мать подснежников, кленов, дубков

Ср.:

Пусть я не верю в порядок вещей, но *дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки*, дорого голубое небо, дорог иной человек, которого иной раз, поверишь ли, не знаешь за что и любишь <...> *Я хочу в Европу съездить*, Алеша <...> и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, *паду на землю и буду целовать эти камни* и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище и никак не более. И не от отчаяния буду плакать, а лишь просто потому, что буду счастлив пролитыми слезами моими. Собственным умилением упьюсь. *Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я*, вот что! Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь <…> (Братья Карамазовы. Часть II, кн. V. Pro и contra; гл. III. Братья знакомятся).

И ответная реплика Алеши в гл. «Великий Инквизитор»:

— А клейкие листочки, а дорогие могилы, а голубое небо, а любимая женщина! Как же ты жить-то будешь, чем ты любить-то их будешь? — Горестно восклицал Алеша. — С таким адом в груди и в голове разве это возможно?

К остальным строфам у меня нет комментариев, которые заслуживали бы обнародования[67], но нужно отметить, приводимую Б. А. Минц[68] параллель к «А квакуши, как шарики ртути, / Голосами сцепляются

67 Хорошо известно (см., например, *Павлов*. Семантическая поэтика и комплексный анализ текста. С. 125, больше ничего из этой статьи позаимствовать не удалось), что поводом для этого стихотворения была прогулка по парку: «В конце апреля мы пошли в *парк культуры*, который воронежцы по старой привычке называли *Ботаническим садом*. Было пустынно, ни одного человека, только в прудах радостное *кваканье лягушек*, и весеннее небо, и деревья почти без листьев, и чуть зеленеющие бугры. Так возникло замечательное стихотворение: Я к губам подношу эту зелень — <…>» (Ясная Наташа, С. 43). Несомненно, выбор слов и деталей мемуаристкой ретроспективно обусловлен цитируемым стихотворением.

68 *Минц*. Пространство цикла, циклическое пространство. С. 267–268.

в шар»[69] — шар из капель во сне Пьера Безухова. Ее гипотеза о том, что «крепну и слепну, покоряясь смиренным корням» представляет собой пример Мандельштамовского «нисхождения» (там же, с. 266), кажется мне более сомнительной, корни не предполагают катабасиса, им «подчиняется» растущее дерево[70]. Далее она замечает (С. 269), что О. Ронен считал начальные строки «На меня нацелились» *подтекстом* строк «шевелящимися виноградинами / угрожают нам эти миры»[71]. Ронен в статье о «Неизвестном солдате» понимает, видимо, эти виноградины буквально, а не метафорически (альтернативное чтение: миры уподоблены виноградинам, т. е. имеют вид гроздей или ягод, а не угрожают ими) и в параллель к этому он перечисляет случаи, когда угроза исходит от растений или других природных явлений[72], среди них он приводит и «На меня нацелились…». Назвать это соотношение подтекстом — невозможно.

Прежде чем перейти к соседним стихам с этой же формулой, напомню о втором подтексте — пушкинском, актуальном и для Достоевского, и для Мандельштама:

Еще дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы,
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки;
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетела первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

---

69 Ср. в стихах о другом парке культуры (Нескучном саде, ставшем Парком культуры и отдыха: «Скучные-нескучные, как халва, холмы» и «С гребешками отдыха, культуры и воды»): «Вода на булавках, и воздух нежнее / *Лягушиной кожи* воздушных *шаров*» («Там, где купальни-бумагопрядильни», май 1931, I, 151–152).

70 Ср.: «Но вся современная русская поэзия вышла из родового символического лона. У читателя короткая память — он этого не хочет знать. О желуди, желуди, зачем дуб, когда есть желуди!» («Выпад», 1924, II. 128), слова *корни* здесь нет, но оно есть в крыловском подтексте: «И рылом подрывать у Дуба корни стала» («Свинья под дубом»). Ср., может быть, еще: «<…> как будто каждый ствол / На арфу начал гнуть Эол / И бросил, *о корнях жалея*, / Жалея ствол, жалея сил <…>» («Сосновой рощицы закон», 16–18 дек. 1936, I, 187).

71 *Ронен О.* Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. С. 107.

72 Первый его пример: «Злая осень ворожит над нами / Угрожает спелыми плодами» («Ты прошла сквозь облако тумана», 1911, I, 251) синтаксически точно соответствует «шевелящимся виноградинам» и является важным аргументом в пользу «инструментального» чтения этого сочетания.

Мы обсуждали этот подтекст в переписке с К. Ф. Тарановским, и для меня до сих пор остается психологической загадкой то упорство, с которым он отрицал пушкинский подтекст в «Клейкой клятвой…». Впоследствии этот подтекст безоговорочно утверждали С. Г. Бочаров (у Достоевского)[73] и И. З. Сурат (у Достоевского и Мандельштама)[74].

С. Г. Бочаров далее привлекает сюда и Л. Толстого (начало «Воскресения»):

> Это, надо заметить, отличает «космос Достоевского» от той картины мира, какая мощно выписана на первой странице «Воскресения» Льва Толстого и в которой ведь также «березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья...», пришедшие сюда к Толстому от Пушкина и Достоевского (или, возможно, прямо от Пушкина)[75].

Несколько ранее Толстого, то есть из Пушкина и, вероятно, Достоевского «Весеннее чувство» Д. Мережковского:

---

73 С. Г. Бочаров. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 208, здесь же и источниковедческие сведения: «Достоевский знал его по «Материалам для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова, где оно было впервые опубликовано (неполный текст, но с «клейкими листочками»), как и такие отрывки, как «Сказка о медведихе» и «Сват Иван...», которые он читал на литературных вечерах и цитировал в своей пушкинской речи» **(С**. 225, прим. 44, упоминаемая рядом статья Ежи Фарыно осталась мне недоступна). Рассуждения С. Г. Бочарова об этих и мотивах и других, близко с ними связанных, у Пушкина и Достоевского, интересны, ценны, глубоки, но очень тесно встроены в цельную концепцию, довольно метафизического (на мой слух) характера, так что конкретные высказывания об интересующих меня строках из этого построения, в общем, не извлекаются, по крайней мере без урона для смысла. Попросту говоря, если бы я попробовал более подробно сослаться на книгу Бочарова, то мне пришлось бы привести всю статью.

74 *Сурат И. З.* Мандельштам и Пушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 214–219, она дважды ссылается на книгу Бочарова (С. 214 и 218). При этом цитируется «трава на петербургских улицах» из «Слова и Культуры» (ср. *Левинтон Г. А.* Маргинальные заметки о Петербурге и Марбурге (к докладу Т. В. Цивьян) // Россика /Русистика / Россиеведение. Кн. 1. Язык /История / Культура. М.: РГГУ, 2010. С. 401) и параллели с «Душой Петербурга» А. Н. Анциферова, ранее отмеченные Д. М. Сегалом. Дальнейшее сопоставление «Погляди, как я крепну и слепну» с Пушкиным вызывает некоторое недоумение.

75 *Бочаров*. Сюжеты русской литературы. С. 218. Ср. ранее «Пушкинские «клейкие листочки» возникают в монологе Ивана в главе «Братья знакомятся»: «Пусть я и не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки <...> Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что!» <...> И не те же ли клейкие листочки появляются в преображенном виде в первых строках романа Толстого “Воскресение” (1899)» (*Коваленко С.* Крылатые строки русской поэзии: Очерки истории. М.: Современник, 1989. С. 184).

Над первыми цветочками
Жужжанье первых пчел,
И с клейкими листочками
Березы тонкий ствол[76].

Еще один пример (хронологически — между Толстым и Мандельштамом) указывает Р. Д. Тименчик — это стихи Веры Аренс об озере Гарда:

Клейкие весною ранние листочки,
Неба в белых тучах ярка синева,
Крокусы, фиалки — первые цветочки,
Тонки виноградных листьев кружева[77]

76 *Мережковский Д. С.* Новые стихотворения. 1891–1895. СПб.: Издание книжного магазина М. М. Ледерле, 1895. С. 49–50; *Мережковский Д. С.* Собрание сочинений в 4-х тт. Б-ка «Огонек». Москва: Правда, 1990. https://www.culture.ru/poems/21694/vesennee-chuvstvo. — название, видимо, из А. К. Толстого.

77 *Тименчик Р. Д.* Итальянские мотивы в русской поэзии начала XX века // «Беспокойные музы»: К истории русско-итальянских отношений XVIII–XX вв. / Сост. А. д'Амелия. Салерно 2011. С. 224; *Роман Тименчик*. Ангелы–люди–вещи: в ореоле стихов и друзей. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2016. С. 544, 576, сн. 66: «Пробуждение. 1914. № 11. С. 355; <…> цитируются слова Ивана Карамазова: "Пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки, дорого голубое небо…"». Как оказалось, нетрудно найти еще много примеров: в книге Пяста «Ограда» (Берлин: Гржебин, 1922) встречаются даже два: «Были там бледны и клейки / Листики робкой березы» («Милая, лента скамейки…», 1905) и «А стыдливые, клейкие листья / Уж меня ароматом дарят…» («На пути. II. Остановка»). Ю. Верховский: «Расти, дышать — не в родном лесочке — / Пусть юру и на ветру! / Лезут клейкие листочки, / Сквозь корявую кору» («Помнишь, друг мой, у Толстого», видимо, 1929, цит. по *Лев Горнунг* «Свидетель терпеливый…». Дневники, мемуары. Сост. Т. Нешумова. М.: АСТ, 2019. С. 704–705). В словах «юру и на ветру» нет ли частичной анаграммы своего имени? Даже в письме Н. О. Лернера Брюсову о Коневском: «Экий он был свежий, молодой, еще "зеленый", как весенний клейкий листик» (*Мордерер В. Я.* Блок и Иван Коневской // Александр Блок: Новые материалы и исследования (Литературное наследство; т. 92, кн. 4). М.: Наука, 1987. Т. 92, кн. 4. С. 191). Наконец, совсем недавно вышла книга: *Лекманов О. А.* «Жизнь прошла. А молодость длится…». Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» / под общ. ред. Н. А. Богомолова. М.: АСТ, 2020: «**с**. 56 [Одоевцевой] *На Невском между торцами зеленела трава. В сквере напротив нашего блока домов Бассейной, как и в Таврическом саду, щелкали соловьи. Соловьи залетали даже в деревья под наши окна.* — Сравните в мемуарах Н. Павлович об июне 1921 г.: "На Невском росла трава, пробиваясь между торцами, и мальчишки играли в бабки на трамвайных путях. В саду Адмиралтейства пели соловьи" (297, с. 456) — и в мемуарном очерке Ходасевича "ДИСК", который О<доевцева>, как мы увидим далее, внимательно читала: "...трава, кое-где пробившаяся сквозь трещины тротуаров, еще не безобразила, а лишь украшала чудесный город, как плющ украшает классические руины. Дневной Петербург был тих и величествен, как ночной. По ночам в Александровском сквере и на Мойке, недалеко от Синего моста, пел соловей" (386, 7 апреля, с. 9). Смотрите также в статье "Слово и культура" Мандельштама (1921): [цитату пропускаю — *Г.Л.*]. Об этом же в финале стихотворения Ходасевича "Пускай

Тарановского не убедил даже тот аргумент, что следом за *клейкими листочками* в пушкинском стихотворении следует *черемуха душиста*. Она напоминает о более раннем стихотворении «Что поют часы кузнечик» (в наших разговорах в 1973 г. обсуждалась связь между «Черемуха услышит» и « В Москве черемухи да телефоны»[78]) и отзывается в двух соседних стихотворениях 1937 — всегда в парных сочетаниях: «На меня нацелились груша да черемуха»[79] и «Клейкой клятвой…»: «Чтобы липу до черемух замуж выдавали». В последнем стихотворении таким образом представлены оба компонента пушкинской «веснянки». Отмечу, что и *груша* — относительно заметный элемент славянского свадебного обряда и на предметном и на вербальном уровнях (и как дерево и как плод)[80]. Здесь невозможно перечислять появления груши, упомяну только что груша (дерево) нередко появляется в локативных зачинах свадебных песен, таких, которые Б.М. Соколов когда-то определил как «постепенное» или «ступенчатое сужение образов» и как «формулу — дерево».[81] В

минувшего не жаль...” (1920): Так нынче травка прорастает / Сквозь трещины гранитных плит. (383, с. 18) (с. 483, ссылки не раскрываю). Из постмандельштамовских примеров нельзя упустить и мужа Одоевцевой: «Ох, странные разновидности наши, слоняющиеся по сей день неприкаянными тенями по свету: <…> — и разные русские мальчики, клейкие листочки, и заветный русский тип, рыцарь славного ордена интеллигенции» (Г. Иванов. Распад атома, 1938 — ср. в перечне цитат, упущенных комментатором этого текста «и некрасовский контекст стиха “А как живо было дитятко”, и карамазовские “клейкие листочки”, и манделыптамовское “В ком сердце есть”» (Р. Д. Тименчик. Георгий Иванов как объект и субъект // НЛО. 1995, № 16. С. 343).

78 См. *Левинтон Г. А., Тименчик Р. Д.* Книга К. Ф. Тарановского о поэзии О. Э. Мандельштама // Russian Literature. Vol. VI. 1978. No. 2. P. 203.

79 По поводу «некоторых аспект[ов] фольклоризма этого стихотворения» Б. А. Минц (*Минц*. Пространство цикла, циклическое пространство. С. 269). ссылается на статью: *Топильская Е. Е.* Фольклорная аллюзия в лирике Мандельштама воронежского периода // «Отдай меня, Воронеж…»: Третьи междунар. Мандельштамовские чтения: Сб. ст. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1995. С. 265–275. К сожалению автор комментирует слово *звезды* в его прямом астрономическом значении, между тем в стихотворении Мандельштама оно выступает как метафора цветов или соцветий («Кисти вместе с звездами, звезды вместе с кистями»)

80 См., например, *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012, по указателю.

81 *Соколов Б. М.* Экскурсы в область поэтики русского фольклора // Художественный *фольклор*, вып. 1. Л., 1926. С. 30–53. Вот его пример: «На лугах, да на лугах зеленых, / На травах, да на травах шелковых, / На цветах то, да на цветах лазоревых / Вырастала *тут Г р у ш и ц а* зеленая, / Расцветала ли яблоня кудрявая, / Что под яблонью было кудрявою, / Что под яблонью той было под зеленою / Молодец ли девушку журил, бранил» (с. 42, курсив и разр. автора). Другой пример из сборника Чулкова, который Мандельштам мог знать: «Грушица, грушица моя, / Грушица зеленая моя. / Под грушею светлица стоит, / Во светлице девица сидит <…> Сорву с грушицы цветок, / Совью на голову венок» (Соч. М. Д. Чулкова. Т. I. Собрание

этом контексте можно учесть то, что в более раннем воронежском стихе «У чужих людей мне плохо спится» видели отголосок *чужих людей* из свадебных причитаний или песен[82], хотя не менее важна и, так сказать, негативная, антонимическая цитата из Пушкина, приводившаяся в «Слове и культуре» (II, 43): «Чужие люди для него / Зверей и рыб ловили в сети».

Вполне очевидно, что *клейкие листочки* объединились с темой *клятвы землей*: «Эту клейкую клятву листов, / Эту клятвопреступную землю» «Клейкой клятвой липнут почки <…> И к губам такие липнут / Клятвы, что по чести <…>»[83]. Причем, эта тема воплощена не только в словах с корнем *клятв-но* и в жесте целования земли («я к губам подношу <…> эту клятвопреступную землю, / Мать <…>[84]», «И к губам такие липнут / Клятвы <…>» не говоря уже о каламбурном «К пустой земле невольно припадая».

Приведу один пример из Достоевского:

> Он вдруг вспомнил слова Сони: «Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: „Я убийца!“». Он весь задрожал, припомнив это. И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. Всё разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю...

разных песен. Ч. I, II и III с прибавл. 1770–1773. СПб.: Тип. ИАН, 1913. Ч. II. С. 239 (469), № 186. «Красна девица во садику гуляла, / В садику гуляла, грушицу ломала, / Она грушицу ломала, другу отсылала». (ч. II, с. 221 (453), № 167).

82 *Топильская*. Фольклорная аллюзия в лирике Мандельштама. С. 268. Здесь приведены примеры из необрядовой лирики, но в свадебных текстах это сочетание тоже встречается.

83 Позднейшие примеры *клятв* связаны со Сталинской темой: «На шестиклятвенном просторе <…> И ленинский Октябрь — до выполненной клятвы» («Когда б я уголь взял <…>» янв.- февр. 1937, I, 280–281); «Я упаду тяжестью всей жатвы, / Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы» («Если б меня наши враги взяли» февр. 1937, I, 281); «Произносящая ласково /Сталина имя громовое / С клятвенной нежностью, с лаской» («С примесью ворона голуби» май <?> 1937. I, 282). Более ранние примеры (кроме перевода из Петрарки) относятся к революционной тематике «Присягу чудную четвертому сословью / И клятвы крупные до слез»; «И клятвой на песке как яблоком играли».

84 О теме *Мать сыра земля* будет сказано в следующей части работы.

> Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастием. Он встал и поклонился в другой раз. («Преступление и наказание» ч. VI, гл. VIII)[85].

Тема земли очень обширна, и мы вернемся к ней (в другой работе) в связи с «К пустой земле…», здесь же отметим один из более ранних контекстов:

> Такие базары, как Сухаревка, возможны лишь на материке — на самой сухой земле, как Пекин или Москва; только на сухой срединной земле, которую привыкли топтать ногами, возможен этот свирепый, расплывающийся торг, кроющий матом эту самую землю (Сухаревка. 1923, III, 27).

В давней работе о Достоевском[86] я цитировал этот текст по другой редакции (с. 282, сн. 4). Приведу комментарий А. Г. Меца:

> В автографе и второй публикации: только на сухой срединной земле, к которой привыкли, *которую топчут, как мат*<ь>, которую не с чем сравнить, возможен этот свирепый, расплывающийся торг, кроющий матом эту самую землю. О тексте второй публикации Н. М. писала: «В “Сухаревке” по моральным соображениям вычеркнули два слова: “только на сухой срединной земле, к которой привыкли, которую топчут, как мать, которую ни с чем не сравнить, возможен этот свирепый, расплывающийся торг, кроющий матом эту самую землю”. (Н. Я. Мандельштам. Вторая книга. М., 1990, с. 159–160). Однако указанного ею чтения («мать» вм. «мат») в архивных источниках не имеется. (III, 531).

Все же слово *мат* в этом контексте кажется мне мало подходящим (ниже в том же пассаже оно употреблено в другом смысле), так что я предпочел бы принять конъектуру (или свидетельство по памяти) Н. Я. Мандельштам (что я и сделал в цитируемом тексте), а слово *мат* счесть опечаткой. В пользу этого чтения говорит и весь круг стихов 1937 года. Надо заметить, что «Сухаревка» вообще во многих отношениях проецируется на более поздние тексты Мандельштама.

> Клейкой клятвой липнут почки,
> Вот звезда скатилась —
> Это мать сказала дочке,
> Чтоб не торопилась.

---

85 Ср. например: «Раскольников вместе с Соней вышел на площадь “Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз”. При закатных лучах он нашел на грязной земле, матери <...> “вечность на аршине пространства”, и она не вызывала уже в нем смертельной тоски: она несла ему освобождение и жизнь» (*Дурылин С. Н.* Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора // Достоевский. М.: ГАХН, 1928. С. 163–198, цитата на С. 177).

86 Достоевский и «низкие» жанры фольклора // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996. С. 267–296 (предыдущие издания статьи — 1982 и 1991).

— Подожди, — шепнула внятно
Неба половина,
И ответил шелест скатный:
— Мне бы только сына...

Стану я совсем другою
Жизнью величаться.
Будет зыбка под ногою
Легкою качаться.

Будет муж, прямой и дикий,
Кротким и послушным,
Без него, как в черной книге,
Страшно в мире душном...

Подмигнув, на полуслове
Запнулась зарница.
Старший брат нахмурил брови.
Жалится сестрица.

Ветер бархатный, крылатый
Дует в дудку тоже, —
Чтобы мальчик был лобастый,
На двоих похожий.

Спросит гром своих знакомых:
— Вы, грома, видали,
Чтобы липу до черемух
Замуж выдавали?

Да из свежих одиночеств
Леса — крики пташьи:
Свахи-птицы свищут почесть
Льстивую Наташе.

И к губам такие липнут
Клятвы, что, по чести,
В конском топоте погибнуть
Мчатся очи вместе.

Все ее торопят часто:
— Ясная Наташа,
Выходи, за наше счастье,
За здоровье наше!

(2 мая 1937, I, 216–217)[87].

87 А. Г. Мец поставил два ударения (оба на А) в словах *запнулась* и *грома*, второе представляется самоочевидным (т. е. избыточным), а первое вызывает сомнения: мне кажется более убедительным чтение Н. И. Харджиева, который видел в метрическом сбое на слове *запну́лась* иконическое изображение запинки (не относится ли она к хромоте героини?). Кроме того, я всегда подозревал здесь метрическую цитату из «Думы про Опанаса» Багрицкого («Жеребец подымет ногу,/ *Опустит* другую»).

Комментировать подробно все стихотворение совершенно невозможно, тем более, что, кроме нескольких строк — тех же тем *клейких листочков*, *клятвы*, и *земли*, оно, кажется, не имеет прямых связей с Достоевским.

Этот комментарий должен был бы в значительной мере быть фольклорным, вплоть до темы чернокнижия («без него как в черной книге…») или роли брата в свадьбе[88]. Нужно выяснить, насколько Мандельштам мог знать фольклорные источники, связанные со звездой (укр. *зірка*)[89], *шелест скатный* — скорее всего отражает свадебную песню «Выкатался да скатен жемчуг» (ср. тему *жемчуга* в «Разговоре о Данте» (II 354, 634–635) и «итальянских» стихах мая 1933 г.), *величаться* — хотя бы как одно из значений, связано с жанром *величальных песен* — эти песни (имея в виду и русские, и древнегреческие) Вяч. Иванов в предисловии к своей книге «Алкей и Сафо» назвал *свадебными славами* — поэтому «свахи-птицы свищут *почесть* / *Льстивую* Наташе» может относиться к этим же песням (предполагая в качестве посредствующего звена строки Ахматовой: «Долгую *песню льстивую* / О *славе* поет судьба» («Дал ты мне молодость трудную»). При этом *свахи-птицы* восходят к песне о женитьбе комара и к песне «Птицы» в сборнике Кирши Данилова. *Грома* как персонажи напоминают о «Стихах о русской поэзии», хотя там *гром*, как и *ливень*, хотя и персонифицирован, но остается в единственном числе (ср. рядом «Шум на шум как брат на брата / восстает издалека»). Этот беглый перечень разумеется не исчерпывает фольклорных тем в «свадебном» стихотворении, но одну строфу хочется прокомментировать чуть подробнее.

Спросит гром своих знакомых:
— Вы, грома, видали,
Чтобы липу до черемух
Замуж выдавали?

Правила выдачи замуж сестер (обычно — по старшинству) — явление вполне реальное и известное, однако можно вспомнить и конкретный библейский прецедент.

---

88 См. специально *Гура*. Брак и свадьба в славянской народной культуре. С. 194–199.

89 Не связана ли с ней *зарница*, которая тут не очень понятна, ср., впрочем, начало стихотворения (по контексту, кажется, связанное с Ахматовой): «Твое чудесное произношенье — / Горячий посвист хищных птиц, / Скажу ль: живое впечатленье / Каких-то шелковых зарниц» (1917, I, 82), «Ты — избавленье и зарница / Самоубийства, телефон!» («Телефон», июнь 1918, I, 269, ср. выше о «черемухи и телефоны») и «Жизнь упала как зарница» (1924, I, 274–275 — стихи к Ольге Ваксель, т. е. в какой-то мере параллельные стихам к Н. Е. Штемпель).

> И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее. 21 И сказал Иаков Лавану: дай жену мою, потому что мне уже исполнилось время, чтобы войти к ней. 22 Лаван созвал всех людей того места и сделал пир. 23 Вечером же взял дочь свою Лию и ввел ее к нему; и вошел к ней [Иаков].<…>25 Утром же оказалось, что это Лия. И сказал Лавану: что это сделал ты со мною? не за Рахиль ли я служил у тебя? зачем ты обманул меня? 26 Лаван сказал: *в нашем месте так не делают, чтобы младшую выдать прежде старшей*; 27 окончи неделю этой, потом дадим тебеи ту за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лет других. (Быт 29: 20–27).

Ключевая фраза *в нашем месте так не делают, чтобы младшую выдать прежде старшей* — в церковнославянском переводе: нѣсть такѡ въ нашемъ местѣ, вдати меньшую прежде старѣйшїѧ (Быт 29:26). Прецедент этот тем более интересен, что имена Рахили и Лии — появляются в цикле на смерть Андрея Белого[90] (том самом цикле, о котором Мандельштам сказал: «я, Мандельштам, еврей, первый написал стихи о Борисе Ник<олаевиче>. в эти дни…»)[91].

Таким образом Достоевская тема, рассредоточенная в воронежских стихах, сгущается к концу Третьей тетради, и кульминацией[92] ее становится диптих.

Заключение

В работе были рассмотрены появления темы Достоевского в стихах и прозе Мандельштама, в основном скрытые и неявные. Как следует из приведенных примеров и комментариев к ним, Достоевская тема интенсивно проявляется в воронежских стихах, содержащие ее тексты,

90 Дантовский подтекст этой пары впервые отмечен: *Тарановский К. Ф.* Три заметки о поэзии Мандельштама III: Рахиль и Лия // IJSLP v. XII (1969), pp. 169–170. Об имени Лии в «Вернись в смесительное лоно» в недавнее время писал Е. П. Сошкин («Лия, не Елена». Инцест и национальная принадлежность в книге Осипа Мандельштама «Tristia» — в печати).

91 Это показывает, что Мандельштам не забывал об антисемитизме А. Белого. Приведу более широкий контекст: Из наброска воспоминаний П. Н. Зайцева об О. М.: «Я зашел к нему, у него в тот вечер были Гуковский, литературовед, и сын поэта Н. С. Гумилева. Но я тогда был очень не в себе. Он прочитал мне свои стихи о Борисе Николаевиче и с большим чувством сказал: — запомните, П. Н., я, Мандельштам, еврей, первый написал стихи о Борисе Ник. в эти дни… — и протянул мне рукопись, приготовленную для меня, автограф» (*Спивак М.* О. Э. Мандельштам и П. Н. Зайцев // «Сохрани мою речь». Записки Мандельштамовского общества. М.: РГГУ, 2008. Вып. 4. Ч. 2. С. 517).

92 Слово *кульминация* нужно понимать в том смысле, что «тема» имеет свою структуру, в принципе сходную с сюжетным построением. Это и дает нам право пользоваться этим термином.

во-первых, скреплены сложными ассоциативными связями (и между собой, и с некоторыми другими темами, например, Дантовской), во-вторых, заметно сгущаются к концу «Воронежских тетрадей» образуя непосредственный контекст для диптиха «К пустой земле невольно припадая» — он является кульминацией Достоевской темы, если не всего макроцикла «Воронежских тетрадей», но по многим причинам требует отдельного рассмотрения.